

М. Я. Мацевич, В. В. Валейтёнок

Проблема национальной белорусской идеологии в системе трансформирующегося общества

Аннотация. Посвящена проблеме эволюции представлений о «нации», месту и роли «национализма» в системно трансформирующемся белорусском сообществе. В общеметодологическом контексте эксплицируется отличие «нации» от «национальности» и «национализма» от «национальной идентичности», а также показывается актуальность конституционализации национальной государственной идеи. С одной стороны, формально Белоруссия как страна отличается от России почти с древности, с другой – некоторые государственные элиты и многие чиновники опираются на символы, согласно которым они развивались на протяжении двух веков, когда Белоруссия и Россия жили бок о бок в общем доме, сначала в Российской империи, а затем в ее преемнике – Советском Союзе. Два видения Белоруссии не возникли в период после обретения независимости. Скорее они были «сформулированы» заново, но на самом деле имеют длинные исторические корни. Преобладающая русофильская ориентация в Белоруссии проистекает из православной культурной традиции, Россия является главным культурным донором и, безусловно, играет существенную роль в формировании официальной идеологии. Мы являемся свидетелями конкурса тех же видений о судьбе Белоруссии, которые происходят и в процессе прояснения природы белорусской идентичности, доминирование локализма, «тутейшасты» над «белорусскостью». Из-за этого затяжного конфликта белорусы страдают от расстройств идентичности, а также белорусского национализма. Каждая сторона старается изо всех сил перетянуть простых граждан на свою позицию. Побочные эффекты – вечная борьба, апатия и культурная неразбериха рядовых белорусов, которые остаются молчаливыми наблюдателями продолжающегося состязания за свои умы и сердца. Обычные белорусы устали, дезориентированы и жаждут чего-то большего, чем просто экономической стабильности.

Ключевые слова: нация, национализм, национальная идентичность, Русская империя, национальная государственная идея, «белорусскость».

M. J. Matsevich, V. V. Valeitonock

The Problem of the National Belarusian Ideology in the System of the Transforming Society

Abstract. The article is devoted to the problem of the evolution of ideas about «nation», the place and role of «nationalism» in the transforming system of the Belarusian society. In the general-methodological context, the difference between «nation», «nationality», «nationalism» and «national identity» is revealed, and also, the necessity of constitutionalization of the national state idea is shown.

For one part, Belarus as a country apart from Russia almost from antiquity, for the other part, some others in the elite and many in officialdom rely upon symbols that evolved throughout two centuries or so when Belarus and Russia lived side by side in a common home, first in the Russian Empire and then in its successor state, the

МАЦЕВИЧ Мария Янушевна – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного управления социальной сферой и белорусоведения, Академия управления при Президенте Республики Беларусь.

MATSEVICH Maria – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Public Administration of Social Sphere and Belarus Studies, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus.

ВАЛЕЙТЁНОК Валерий Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и социального управления, Белорусский национальный технический университет.

E-mail: vvv0045@mail.ru

VALEITONCK Valery – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Sociology and Social Management, Belarusian National Technical University.

Soviet Union. The two visions of Belarus have not emerged during the post-independence period. Rather, they were articulated anew, but they in fact have lengthy historical roots. The preponderant Russophile orientation in Belarus stems from the Orthodox cultural tradition, Russia being the prime cultural donor and pre-eminent role in shaping Belarus' statehood.

We are witnessing the contest of the same visions of Belarus' destiny, the fight that has been going on since the time Belarusian identity began to rise above localism, that is, when the very first «tuteishiy» became «Belarusians». Because of this lingering conflict, Belarusians suffer from a collective split identity disorder and have Belarusian nationalism. The side effects of this perpetual fight are apathy and cultural confusion of rank-and-file Belarusians, who remain silent observers of the ongoing contest for their hearts. Ordinary Belarusians are tired, disoriented, and yearn for something more than just economic stability.

Keywords: nation, nationality, national identity, Russian Empire, national state idea, being Belarusian.

Введение

Осмысление исторических видоизменений последних десятилетий с неизбежностью диктует вывод: мир начала XXI в. есть мир не только упорядоченный, но и мир дифференцируемый. Следует признать, что слово «современность» употребляется сегодня слишком двусмысленно и легковесно. Дефиниция категории превращается в хамелеона, утратившего свои временные оттенки и истоки причинности. Состояние «современности» поддерживается сейчас ценой «перманентной модернизации» или глобализацией «рыночной духовности».

В середине XX в. американский социолог А. Тоффлер писал, что какое будущее мы выберем, будет зависеть в конечном счете от ценностей, которые определяют процесс принятия решений. А это, в свою очередь, зависит от того, сколь ясно мы поймем и сумеем предсказать изменения в целостной архитектонике ценностей. Исходя из вышеизложенного, *целью предлагаемой статьи* является экспликация конституционализации национальной государственной идеи в контексте философской и политологической семантики XX в. На основании политологического подхода раскрывается антиномичность геофизического места Республики Беларусь, ее бифуркационность и синергийный потенциал.

Общезначимое концепта «нация»

Национализм уже вытекает из самого факта существования национальности. Он также связан и с фактом непосредственной экспликации метафизической природы национальности: борьба, восстания, воинственность, волонтаризм, романтизм и нигилизм. Ненависть к «другому» не обязательно сопутствует факту существования конкретной национальности, но она очень часто проявляет себя именно в национализме.

«Нация» и «национальность» остаются более нейтральными дефинициями, нежели явление национализма, которое в повседневной жизни отождествляется с определенными политическими движениями, лидерами, партиями, с определенными идеологическими пристрастиями и симпатиями. Националисты имеют программы и политические платформы. Национализм позиционен, однако этим не исчерпывается. Он доктринален, хотя обычно коллективное самосознание нации определяется в этих доктринах недостаточно.

В отличие от «национализма», признаки «национальности» имеют более сложную судьбу, но она не менее реальна. Национальное самосознание – это состояние разума, специфическое настроение интеллекта и еще нечто большее, трансцендентное. Нация же репрезентирует прежде всего определенную коллективную структуру, которая преимущественно выглядит аморфно. Ее непосредственными носителями выступают взаимозависимые структуры: клубы, спортивные ассоциации, культурные и общественные объединения, школы, частично религиозные братства и церкви. В государстве «нация» достигает полноты структурной реализации, но эти две формы бытия – нация и государство – редко уживаются в одной.

Наиважнейшим из относительно аморфных состояний нации есть ее связь с общественными объединениями. Насколько партикулярные ассоциации поддерживают существование нации, настолько, в свою очередь, поддерживается и жизнедеятельность общественных объединений.

В отличие от нации, национальность – уже не некая структурная единица, а прежде всего форма коллективного самосознания. Национальность, в том понимании, которого придерживался американский современный идеолог Эдвард Шилз, не есть соответствие легальному национальному статусу конкретного индивида, а также статусу, полученному по факту рождения или самоидентификации в суверенном государстве [1, р. 188]. Она ближе к понятию «гражданства» в суверенном государстве, что статутарно предполагает соблюдение определенных прав и обязанностей в пространстве этого конкретного государства. Обычно процесс «натурализации», «национализации» предполагается как нечто априорное: натурализованная персона становится членом титульной национальности и разделяет соответствующие солидарные принципы доминирующего коллективного самосознания. Этому способствует как принадлежность к нации, так и обладание гражданством независимой державы.

Нация формируется непосредственным коллективным самосознанием, референты которого родились на конкретной ограниченной территории, а также это самосознание может конституироваться непосредственными усилиями представителей других национальностей, проживающих на этой территории. Возможно, некоторые члены нации родились от предков, которые проживали на непосредственно ограниченной территории, но теперь это уже не та территория, теперь она уже заселена другими поселенцами. Поэтому человек может принадлежать к той нации, к которой не принадлежали его предки, и жить на территории, которую никогда не заселяли его прадеды. Индивидуум способен менять национальность, свободно выбирая место проживания после рождения, солидаризируясь с тем коллективным самосознанием, которое господствует в новом сообществе. Индивидуум также может идентифицировать себя одновременно с несколькими национальностями, одновременно принимая активное участие в развитии их самобытных культур. Но этот феномен не следует путать с феноменом обладания двойным гражданством, то есть с ситуациями, которые регулируются не внутренними убеждениями, а нормами юридического права.

В пределах государства одна или несколько наций могут находиться в состоянии застоя в то время, когда «иным» удастся сберечь сильное и влиятельное коллективное самосознание. В этой ситуации индивидуум может выявить свою национальную принадлежность без каких-либо особых затруднений. Или наоборот, бывает национальность, с которой отождествляет себя индивид, вступает в конфликт с национальностью, к которой он сберегает преференцию верности.

Нации не имеют таких регулярных структур, какие имеют религиозные конфессии, требуя от верующих участия в ритуалах, литургиях. Нет у нации также и особого корпоративного органа, который бы полностью соответствовал национальному единству. Нации также не имеют корпоративной классификации, которая есть, например, в религиозных орденах и братствах. По мнению Шилза, нации всегда существуют как социальные структуры определенного количества индивидуальностей [1, р. 201].

Объединение или государство с доминирующей (титульной) нацией называется независимой суверенной державой. Соответствие между нацией и государством часто бессознательно эксплицируется в Конституции государства, однако это не всегда обязательно. В Конституции культивируются те правовые и ценностные установки, которые репрезентирует доминирующая нация. Каждая сфера культуры: искусство, право, наука, философия – влияют на формирование национальной самоидентификации. Даже критерии истины, добра и красоты несут в себе определенные черты национальной идентификации.

Государственное устройство постоянно поддерживается перманентными «национальными праздниками»: дни рождения национальных героев, писателей; День независимости; День конституции и т. д. Военные празднества также непосредственно связаны с общенациональными приоритетами. Государственные праздники так или иначе большей частью являются стратегией национальной политики и идеологии: прославляют историю, великий подвиг нации, воспитывают патриотизм и гражданственность. Через праздники и «Дни культуры» государственное сближается, солидаризируется с национальным.

Там, где несколько наций живут в государстве с одной доминирующей нацией и не имеют условий и стимулов для ассимиляции и коллективного самообозначения, доминирующая нация может свое самосознание отождествлять с государственной политикой. Доминирующая нация может обосновывать свою диктатуру органичностью существования, численностью, прагматизмом интересов, исторической целесообразностью. В такой ситуации малочисленные нации также начинают требовать прав на самобытность: школ с национальными языками, свободных публикаций на родном языке; свободы национальных объединений и ассоциаций; утверждения национальной символики, национального телевидения и т. д.

Требование национального самовыражения – одно из актуальнейших требований в проявлении современного национализма. Но данную форму национализма следует отличать от национализма (патриотизма) в рамках государственной политики. Очень часто по отношению к малочисленным нациям мы сталкиваемся не с национализмом, а – с гиперчувствительностью, претенциозностью, инфантилизмом, тщеславием, исторической несостоятельностью, желанием «братской резни». В богатых государствах с одной доминирующей нацией национализм очень часто может выражаться в навязывании политической элитой «другим» своих экстремистских решений, агрессивных аксиологических приоритетов.

Концепт «нация» в условиях глобализации

Возьмем для примера как явление культуры XX в. факт «постмодерна». В сущности, «постмодерн» – это мутация модернистского проекта, вызванная потрясениями XX в., мировыми войнами, антиколониальной революцией в третьем мире, великим противостоянием супердержав. По мнению российского политолога В. Аверьянова, постмодерн – это не просто стиль эпохи, это исторически конкретная попытка Запада построить приемлемый для всего человечества порядок, в котором Запад доминировал бы. Постмодерн – мягкая подгонка разных этнокультурных и цивилизационных традиций в рамки великого проекта Нового времени. Это была уникальная попытка вогнать все национально-культурные, все религиозные традиции в одно «стойло» [2]. Американский идеолог Эдвард Шилз писал, что искусство политики свободы заключается в ослаблении Священной Традиции, но без подрыва формы традиционного мировоззрения. То есть, – аккуратное бережное обращение с Иным (в данном случае с Третьим миром, с иммигрантами). Но, по существу, постмодерн – это союз сломленных традиций, сборище подавленных идентичностей под эгидой глобальной постиндустриальной цивилизации [1, p. 190].

Согласно работам немецкого феноменолога К. Хюбнера, внутреннее отождествление себя с той или иной нацией и есть национальная самоидентификация. Причем для Хюбнера эта идентификация является не актом воли или рационального решения, а судьбой [3, с. 253]. В своих работах он пытался обосновать антропологическую судьбоносную привязанность людей к некоторой нации. С его точки зрения, просвещенческая позиция, когда принадлежность к нации отождествляется с «верностью» государственной политике, не есть подлинная национальная идентификация. Человек может формально покинуть Родину, но воспроизвести ее в душе на новом месте. Национальное сознание наличествует всегда, но в латентной форме, а реакция вытеснения этого чувства может привести к тяжелым формам национальных восстаний. «Национальное» может погибнуть лишь естественно, а внешние давления скорее усиливают болезненное неприятие чужеродного. Нация понимается как целостность, идентификация с нацией есть одновременно идентификация себя с какой-то жесткой структурой, системой. Мы не можем «отказаться» от нации, даже если нечто в ней не понимаем, не принимаем. Мы автоматически берем на себя как ответственность за нее, так и страдания за грехи. Актуальным примером этому служит проблема коллективной национальной вины. Отождествляя себя с какой-либо нацией, я отождествляю себя не только с ее материальной культурой, формами исторического бытия, но и с ее идеальным, с ее идеологией.

Понятие «нации» достаточно позднего происхождения. Его ассимиляция в культуре стала возможной только после распада христианской империи. В основе «духа народа» лежат идеи Ж.-Ж. Руссо, именно он определял народ не как собрание «единственников», а как нрав-

ственную особу, общим понятием и хотением одаренную. Ж.-Ж. Руссо также отличал идеальный зрелый народ-суверен от народов, еще не достигших гражданской зрелости. По мнению Ж.-Ж. Руссо, не следует повторять ошибки Петра I: создавать немцев, англичан, не создав самих русских. В XIX в. И. Гердер ввел понятие «гения народа», которое определяет место и роль данного народа в истории. Романтики углубили данное понятие, укоренив его не в натуралистической, а мистически-метафизической почве. Несколько позже появляется просветительно-революционная «теория нации».

Сегодня же, в эпоху «транс»-, «пост»историзма, диалог происходит в маргинальных зонах, на границах всего со всем, заново переоцениваются не только ценности, но и культура вообще, диалогическая природа самого языка. Интересно, что этот совершенно новый, на первый взгляд даже парадоксальный способ диалога возник именно на славянской национальной почве, казалось бы, в ситуации полного отсутствия диалогизирующего фона, диалогизирующей традиции.

Противопоставление национального и всечеловеческого бессмысленно. Ибо «национальность есть ценность, творимая в истории» [4, с. 85]. Мы входим в человеческое через национально-индивидуальное. Нельзя перескочить через целую ступень бытия, можно желать всеединства, но нельзя не учитывать родовые генетические черты. Сама история – иерархия национального и всечеловеческого, всечеловеческого и космического. Поэтому любая культура всегда прежде всего конкретно-человечна, а уже потом всечеловечна.

Но национальное вряд ли можно определить только через расу, территорию, язык. Национальное – образование сложно иерархическое, его понимание всегда творческое. Национализм – явление новое (XIX – XX вв.). Он вошел в иерархию бытия и занял там свое прочное место. XX век – самый космополитический и националистический.

Концепт «нации» в контексте белорусской идеологии

Кризис современной культуры – прежде всего кризис «гуманитарного мышления», «современного поступка». Сами вопросы выводят нас в сферу открытого. Диалогичной по своей сути является и человеческая духовность. Диалог начинается с «микродиалога», с феномена внутренней речи и заканчивается диалогом в Большом времени, диалогом культур в пространстве запредельных смыслов сознания.

Выдающимся русским философом был выходец из Витебской губернии, русский дворянин, русский монархист Н. О. Лосский. Но всю свою жизнь он сознательно выступал против шовинизма, национализма; в последние годы жизни им была написана на чешском языке статья «Об украинском и белорусском сепаратизме», вызвавшая горячие споры и породившая большое количество врагов. Н. О. Лосский всегда интеллигентно намекал о чрезвычайной осторожности по отношению ко всему, что нам кажется нашими национальными недостатками либо достоинствами. Ибо: 1) то, что является недостатком сегодня, завтра может стать достоинством; 2) ряд свойств, процессов и явлений только кажутся недостатками; 3) не нужно переделывать целые народы, так как они – «творения Божии», и не следует пытаться подчинить их воле пусть гениальных, но «ограниченных» уже своими культурными и историческими пространствами мировоззрений.

Политология должна способствовать сохранению культурной среды, хрупкой интеллектуальной оболочки, определяющей самосознание нации. Она должна определить стратегию реванша, преодоления исторического шока. У современной же политологии, тем более так называемой белорусской, во многом нет исторической перспективы, исторического сознания. Происходит крушение системы образования, крушение национальной идентичности, однако политологи так и не предлагают никакого действительно стратегического плана по реконструкции нашего идеологического пространства. Современная белорусская политология комфортна и внешне привлекательна, но она нежизнеспособна. В ней нет диалектики, нет развития, а лишь привнесенная степень неопределенности. Идеология страны – прямое продолжение самосознания нации (вспомним хотя бы «Речи к немецкой нации» Г. Фихте и «Феноменологию духа» Ф. Гегеля). Не нужно учить патриотизму, патриотизм – это конкретная любовь

к стране, в которой ты родился, приоритет моей Родины над всеми иными государствами; так же как не нужно заниматься привитием русского, белорусского и др. патриотизмов, патриотизм в своей глубинной философской основе интернационален. Поэтому в рамках серьезных идеологических и политических диалогов мы должны вначале договориться, что подразумевается под патриотизмом, который всеми эксплуатируется, но не проясняется.

Пропагандируются те или иные политические идеи, однако при этом отсутствие всякого логического соответствия между этими концепциями не делает чести белорусской идеологической «машине», так как не приносит никаких реальных результатов в виде хотя бы какой-либо научной концепции существования и развития белорусского этноса. Отсутствие подобной концепции со временем превращается в недееспособность современной белорусской политологии, философии и все больше оголяет интеллектуальную пустоту в нашем обществе, а само понятие пустоты вырастает в знак собственной белорусской идентичности. И хотя сегодня еще можно скрыться за могучий бастион постмодернизма, пропагандируя из-за его стен априорную фиктивность всяких попыток на создание общей государственной идеологии, мягкой насильственной белоруссизации, запрещения концепта «русский мир», но только и эти аргументы не спасают ситуацию. Избавивши белорусскую идентичность от какой-либо концептуальной основы, национальная идеология таким образом отказала себе в возможности собственного существования. С утратой своей идентичности этой возможности лишился и сам белорусский народ.

Перед современной Беларусью стоят труднейшие задачи самопознания и самообретения. И в самую пору здесь вспомнить о философии Н. О. Лосского, о том, что, принадлежа к тварному миру, человек имманентен всей живой целостности бытия; объект познается так, как он есть, в сознании присутствует не копия или символ, не явление познаваемой вещи, а сама она в подлиннике.

«Белорусская идеология» в контексте общественного самосознания

Сегодня на рынке духовного производства можно отыскать самые различные способы описания мира. Но очень мало на этом рынке «инструментариев» (полной осознанности того, как и для чего этот мир создан, как работают механизмы восприятия).

Длительное время развитие политологической практики было ориентировано на абстрактно-теоретическое отражение действительности. Но сегодня белорусская политология – это даже не постижение, не изучение мира, а трансцендирование того, что не является в принципе адекватно принятым. Современная политология изучает не мир, а прежде всего принципы, нормативы, основания, предпосылки. Социальная дезинтеграция породила неадекватность того знания, с которым мы сталкивались ранее. Феномен гуманитарной культуры XXI в. акцентировал актуальность этнологических исследований. Современные политологи приходят к убеждениям, что именно социокультурные признаки конкретного общества, духовные черты накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Политология XXI в. неустрашимо связывает свое существование с историческим, этническим контекстом.

В этой связи активизация историко-философских, аксиологических, культурологических исследований республиканского масштаба – естественная реакция современного белорусского политологического сознания на утрату идентичности, традиции, подлинных смыслов.

Между двумя точками можно провести сколько угодно линий. Однако кратчайшей может быть только одна. Оторванных от жизни и от почвы теорий может быть сколько угодно, и чаще всего современная история есть результат наблюдения историками исторических процессов с «неисторической» точки зрения. В историю искусственно, иногда насильственно вводится целый ряд понятий, которые не соответствуют никакой действительности: набор праздных и изысканных слов, аксиологических детерминант, заслоняющих собой всякую реальность. Если взять два взаимоисключающих суждения, то вполне очевидно, что они не могут быть одновременно истинными, но они совершенно свободно могут быть одновременно ложными, не нарушая при этом никаких внешних и внутренних законов. Именно в этом и состоит самый сложный момент управления восприятием. Именно здесь мы и нуждаемся в историческом

иммунитете. Белорусская идеология должна включать в себя анализ динамики перемен и состояний человеческого потенциала, интеллектуального капитала, ориентированности людей на диалог и толерантность в межличностном общении. Современная идеология должна не только консолидировать, развивать, но и упреждать; упреждать угрозы, опасности, вызовы, возникающие в самой идеологической среде, в социокультурном, гуманитарном контексте, в аксиологических приоритетах.

Сегодня простой обыватель (молодежная субкультура в целом), непосредственно нуждаются в идеалах патриотизма, культе личного подвига, культе героизации как таковой, самоутверждении и, зачастую, просто в романтике. Повседневность же, структуры образования, формы общественного сознания насильственно внедряют унифицированные стандарты, систему координат идеологии пошлости. Заметим, что понятие последней формально-логически большей частью вообще не проясняется. Что сегодня объективно, эмпирически является пошлым? Где дефиниция пошлости? Где границы и рамки, пространство ее функционирования? На выходе социум получает сознательную идеологизацию, онтологизацию пошлого?

Ошибка европейцев сегодня заключается в том, что они считают США «сверхдержавой». Эту концепцию, как считает современный французский политолог Гийом Фай, придумали французские дипломаты, руководствуясь глупым антиамериканизмом. Могущество Америки – могущество «хлеба и зрелищ», напоминающее могущество Римской империи IV века [5, с. 159].

Политика Америки и практика воплощения современного террора служат средством выражения подсознания, средством выражения недовольства миром, в котором мы живем; фрустрации от непризнания Системы, которую мы презираем; следствием страха перед мыслью столкновения с настоящими угрозами. И не прав ли Гийом Фай, настаивая в своих работах на том, что пацифистские позиции Франции и Германии не есть свидетельство «большой политики», и не есть желание оказать США сопротивление. Европа просто вступила в «эру пустоты, эру отказа от силы». Этот крах предвидел и Дж. Сантаяна: забыв о самобытности своей цивилизации, Европа отказалась от могущества в пользу мировой утопии. Быть только против чего-то, отказываясь от собственной самобытности, означает предпочитать негатив фотографии.

Сложные системы, к которым относятся этнос, народ, нация обладают особыми качественными свойствами: уникальностью, непредсказуемостью, негэнтропийностью, целенаправленностью. Они являются системами нелинейными, стохастическими, динамическими и эволюционирующими. Освоение культуры народов, психологии национального невозможно без выявления их комплексных свойств. В системах высокой сложности функционирование осуществляется на основании целевых функций. В социальной же философии, политологии цель не формулируется, не формируется «творцами» или потребителями. Поэтому этническое, национальное являются ценностно-ориентированной сложной системой. Ценностная ориентация здесь определяются системой этических, эстетических критериев конкретных индивидов и сообщества в целом. Например, американская (массовая) культура в большей мере является целеориентированной (коммерциализированной), а элитарная (русская, немецкая) – ценностно-направленной.

Проблема «другого» и «другости», «чужого» и «чуждости» в XX столетии стала одной из наиболее интенсивно обсуждаемых. На смену аксиологии пришли «аллология», «ксенология» как науки (дисциплины) о «другом», «чужом». «Я» интерсубъективно, вторично по отношению к «ты». «Я» постоянно натывается на мою плоть, бессознательное («оно»), в конечном итоге, – на «другого».

Именно «другой» порождает мое восприятие своей телесности. «Самость», «собственное» проявляются во встрече с «иным», «чужим» (знаменитое гелдерлиновское: «где опасность, там вырастает и спасительное»). С одной стороны, «другой» налагает на нас границы, но одновременно он нас и обнаруживает, «выдает» «предает миру», как в концепции Ж. Делеза, где «другой» является «полем восприятия», моментом, процессом «овозможнивания мира»

[6, с. 85]. «Другое» меня провоцирует, в отличие от «чужого», оно не делает меня своим, собственным, «другое» неизменно теряется в аспектах и нюансах моего возможного. Структурирование «другого» ограничено.

В концепциях Г. Гадамера и П. Рикера «другим» является всегда то, что не может быть понятным, что ускользает от интерпретации. Но, если взять топографию явленности Беларуси и ее культуры, ее идеологии, наличие «другого» (Польши, Украины, России и т. д.) осложняется проблемой именованности, обозначения, эксплицируемости телесности самой Беларуси. Что такое и кто такое Беларусь, а тем более ее философия или ее культурология – 1) история региона наднационального уровня, находящегося в состоянии кросскультурной самоидентификации? 2) исторически, географически сложившаяся определенная территориальная единица, обозначаемая понятием «Беларусь» (БНР, БССР, РБ и т. д.)? 3) автономная, самостоятельная единица в контексте империй (Киевской Руси, ВКЛ, Речи Посполитой Российской империи и т. д.)? 4) духовная деятельность, мысли, ценности и идеалы людей, проживающих на территории, именуемой Беларусью? 5) специфические ментальные характеристики народа, проживающего на территории Беларуси? Вопрос остается риторически открытым.

Следуя логике и риторике доктора искусствоведения Института востоковедения РАН Ш. М. Шукурова, обычно «чужое» воспринимается как более мягкое «другое» или иное, осуществляемое по схеме «я – ты», «мы – они». Между тем, эта парадигма не редуцируема при обращении к современному белорусскому контексту, где понятие «этноцентризма» превосходит конкретные онтологические рамки культуры. Аксиология «чужого», «другого» кардинальным образом изменяет свой ценностный статус, порой нивелируя привычную парадигму «чуждости» и «другости», утверждая необъятность границ «своего» [7, с. 40].

Заключение

Беларусь диалогична, диалогична в своем антиномизме. Ей свойственны всемирная отзывчивость, жертвенность, бескорыстие. Однако в то же время она и сверхнациональна, при этом не следует смешивать «белорусскую самобытность» с «белорусской отсталостью». Белорусская душа всегда была обременена не только первородными грехами, но и своими, собственно приобретенными. Как ни богата белорусская жизнь была событиями, драмами, но философско-методически драматизм ее бытия старались осмыслить Россия, Польша, Украина.

Согласно большинству этнологов, этнос формируется за счет ландшафтного влияния, природного окружения, биогеохимической энергии. Белорусские этнологии утверждают, что рисунок белорусского танца, архитектоника организации народного белорусского музыкального фольклора можно прочесть аналогично зашифрованной орнаментике на белорусских рушниках, поясах, флаге и т. д. Грузины окружены горами, и они бросают сабли в танце, прыгают; украинцы как бы перелетают в «Гопаке» чрез степи; русские «хороводят»; немцы «вальсируют»; белорусы же «семят», «шаркают» в своих танцах (мяцеліца, таўкачыкі, крыжачок, Мікіта, млынок).

После вторжения в конце Второй мировой войны американских войск в Японию американский антрополог Рут Бенедикт пришла к выводу о существовании двух типов культур: существуют культуры, которые полагаются преимущественно на стыд, а есть полагающиеся преимущественно на вину. В культурах, полагающихся на стыд, людей огорчают внешние поступки, окружающие мнение, чужие слова. Функции искупления здесь берет на себя светская мораль, психотерапия, «корпоративная этика», «этика политкорректности».

Настоящие культуры стыда, в отличие от настоящих культур вины, полагаются на внешние санкции за хорошее поведение, а не на внутреннее признание в грехе. Стыд – это реакция на критику других людей. Человек стыдится или из-за того, что его откровенно осмеяли и отвергли, или из-за того, что он дал повод себя осмеять. Стыд требует эмпирического присутствия публики, по крайней мере, воображаемого. Вина же этого не требует. Человек может переживать вину, хотя никто не знает о его злодеянии, а чувство вины может быть облегчено только исповедью или искренним покаянием пред Богом [8, с. 156-175]. Белорусская культура как раз и является культурой стыда.

С точки зрения варшавского профессора языковеда Яна Насовича, например [9, с. 78-86], в повседневном белорусском осмыслении воспринимается чрезмерно упрощенно явление билингвизма не только в отношении к уровням двуязычия и их функциональной адекватности, но и в процессе восприятия психологической неоднозначности данного явления. Дело в том, что повседневное употребление двух языков для коммуникации есть не только сумма удвоенного воздействия языка, но и процессов, которые глубоко проникают в саму структуру человеческого мышления. Согласно гипотезе У. Сепира [10], всякий язык натурально, по своему отражает повседневность, окружающий мир, а значит, личность, которая пользуется им, проявляет «через», «в», «посредством» языка свой особый способ осознания и осмысления действительности. Каждый язык – спектрограф, он имеет свою отличительную систему терминов-понятий, которые тесно между собой взаимодействуют. Поэтому в каждом языке есть масса специфических слов-обозначений, адекватных понятий, присущих только этому этносу и данной культуре, которая передается благодаря освоению родного языка. И не случайно, что одновременное употребление двух языков влияет на процесс и логику мышления личности-билингва. Так как употребление второго языка заставляет вырабатывать полностью новые образы-понятия наравне с родным языком, а также формировать и иной ассоциативный аппарат, который бы характеризовал понятия чужого языка. Отсюда в процессе двуязычия осуществляется переформирование интеллектуально-познавательного аппарата. С психологической точки зрения одновременное употребление двух языков (родного и чужого) есть довольно сложная реальность. «Билингвист» нечто утрачивает в своей связи с «материнской культурой», со своими земляками и ощущает себя оторванным от «родного», но обязанным и связанным с «чужим», «другим». Этот эмоциональный конфликт можно сравнить с конфликтом раздвоения личности: некоторые авторы (психотерапевты и философы) подчеркивали его шизофренический контекст. Постоянное ощущение и внутреннее подсознательное наличие вины для белоруса стало своеобразным «садомазохистским» комплексом, вечным стремлением прояснить свою «тоеснасць», самооправдаться перед собой и другими за то, что белорус – это мужик, «пан сохи и косы».

Республика Беларусь самобытна как в ходе и условиях исторического воспитания, так и на нравственном уровне, в психическом строе. «Западники» насильственны, чрезмерно личностны; славяне терпимы, всечеловечны. Глубокий отпечаток накладывает и различие в вероисповедании. «Славянский» культурно-исторический тип является качественно новым, перспективным с точки зрения истории и культуры (славяне не ограничены одним видом деятельности, а стремятся к органическому единству).

Но всегда был и остается одним из самых загадочных вопросов геофизического места Беларуси. И абсолютно не ясно, что же называть Беларусью сегодня. Для нее свойственна парадигма как разбегания, так и концентрации. Одно из национальных своеобразий Беларуси – во всечеловеческой, всемирной отзывчивости, исторической жертвенности, полиэтничной основе нашей культуры.

Таким образом, «Запад» сегодня – это, прежде всего, технократическая цивилизация и, скорее, даже не синоним культуры, а – «развитости», динамики. Глобальная проблема реакции белорусской идентичности на эту динамику – это реакция аксиологическая: возрождение традиции, нравственных ценностей, которые мы утратили. Нельзя, чтобы социальные дезинтеграции, изменения образа жизни, социальных структур затрагивали глубинные изменения шкалы ценностей, культурной матрицы соответствующего общества.

Литература

1. Shils E. The virtue of civility: selected essays on liberalism, tradition and civil society. – New York: Indianapolis, 1997. – 224 p.
2. Аверьянов В. Отчаянье инквизиторов // Философская газета. – 2002. – № 10.
3. Хьюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. – М.: Канон, 2001. – 400 с.

4. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 240 с.
5. Фай Г. Всемирный переворот. Эссе о новом американском империализме. – М.: Слава, 2005. – 240 с.
6. Делез Ж. М. Турнье и мир без Другого // М. Турнье. Пятница. – СПб., 1999. – 301 с. – С. 85
7. Шукуров Ш. М. Александр Македонский: метаистория образа // Чужое: опыты преодоления. Очерки по истории культуры Средиземноморья. – М.: Алетея, 1999. – С. 33-61.
8. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 256 с.
9. Turska M. Dwujęzyczność a rozumienie czasu // Edukacja dla przyszłości / red. nauk. Jan Franciszek Nosowicz. – Białystok : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Finansów i Zarządzania, 2004. – S. 78-86.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

References

1. Shils E. The virtue of civility: selected essays on liberalism, tradition and civil society. – New York: Indianapolis, 1997. – 224 p.
2. Aver'janov V. Otchajan'e inkvizitorov // Filosofskaja gazeta. – 2002. № 10.
3. Hjubner K. Nacija: ot zabvenija k vozrozhdeniju. – М.: Kanon, 2001. – 400 s.
4. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii. Opyt po psihologii vojny i nacional'nosti. – М.: Filosofskoe obshhestvo SSSR, 1990. – 240 s.
5. Faj G. Vsemirnyj perevorot. Jesse o novom amerikanskom imperia-lizme. – М.: Slava, 2005. – 240 s.
6. Delez Zh. M. Turn'e i mir bez Drugogo // M. Turn'e. Pjatnica. –SPb., 1999. – 301 s.
7. Shukurov Sh. M. Aleksandr Makedonskij: metaistorija obraza // Chu-zhoe: opyty preodolenija. Oчерки po istorii kul'tury Sredizemnomor'ja. – М.: Aleteja, 1999. – С. 33-61.
8. Benedikt R. Hrizantema i mech: Modeli japonskoj kul'tury. – М.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2004. – 256 с.
9. Turska M. Dwujęzyczność a rozumienie czasu // Edukacja dla przyszłości / red. nauk. Jan Franciszek Nosowicz. – Białystok : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Finansów i Zarządzania, 2004. – S. 78-86.
10. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. – М.: Progress, 1993. – 656 s.

